

А.Н. Николукин

РОЗАНОВ ЧИТАЕТ «СКАЗКУ ДЛЯ ДЕТЕЙ»

Аннотация. В статье рассматривается, как в недавно впервые опубликованной книге В.В. Розанова «Тайна» анализируется в родовом и сексуальном плане поэма Лермонтова «Сказка для детей».

Ключевые слова: В.В. Розанов; М.Ю. Лермонтов; поэма «Сказка для детей»; рождаемость.

Nikolyukin A.N. Rozanov reads «The Tale for Children»

Summary. The article deals with the analysis of Lermontov's poem «The Tale for Children» how it is presented in recently for the first time published V. Rozanov's book «The mystery».

Keywords: V.V. Rozanov; M.Y. Lermontov; poem «The Tale for Children».

Недавно впервые издана книга В.В. Розанова «Тайна», написанная в начале прошлого века. Среди произведений Платона, Толстого и Достоевского Розанов обратил внимание на «Сказку для детей» Лермонтова. Название и текст отражают некое озорство, идущее от «юнкерских поэм» поэта. Надо сказать, что шалости юности (у Пушкина, Толстого и др. нередко дают себя знать в их последующих сочинениях). Но дело не в том.

В истории русской литературы, ее классической части, многие произведения считаются неоконченными. Среди них «Евгений Онегин», «Мертвые души», лермонтовский «Демон». «Сказку для детей» хотели бы отнести к этой категории, поскольку замысел ее

остается, может быть, туманным. Тем не менее это вполне завершенное произведение.

Лермонтов описывает дворец вельможи на Неве и даже его самого:

*Он ростом был двенадцати вершков,
С домашними был строг неумолимо...
Обедал. Спал... да иногда, томимый
Бессонницей, собрание острых слов
Перебирал или читал Вольтера.*

Перечитывая сказку, Розанов обнаружил, что

*Имел он дочь четырнадцати лет,
Но с ней видался редко, на обед
Она являлась в фартучке, с мадамой;
Сидела чинно и держалась прямо.*

Здесь-то и начинается сказка, не похожая на народные или пушкинские сказки, предназначенная вовсе не для детей.

Этот часто повторяющийся фартучек выражает всю юность Нины. Это напоминает грезу Свидригайлова, ибо девочке, которая приснилась Свидригайлову, было столько же лет, сколько и Нине. Лермонтов предвосхищает не только Достоевского, но если внимательно вчитаться, то и Альбертину в романах М. Пруста, и юную нимфетку Набокова.

В это время Розанов читал энциклопедическую статью об «оплодотворении» и у него явилась аналогия с этой девочкой в фартучке: «...втягивается внутрь яйца, которое вслед за этим тотчас одевается новой оболочкой, после чего проникновение внутрь яйца новых сперматозоидов становится невозможным. Вхождением сперматозоида оканчивается внешняя часть процесса» (с. 472). (Розанов приводит графический рисунок.) Даже постоянно присутствующая мадама должна стать непременной частью этого процесса.

Понимание поэзии Пушкина и Лермонтова выражено при этом со всей отчетливостью: «Sexual'ный характер поэзии Лермонтова, особенно если мы станем сравнивать ее с поэзией Пушкина, или чьей-нибудь из пушкинской школы – ясен. Взамен не

рождающей у них любви, любви как цветка жизни, как украшения минуты, – у него всегда рождающая любовь:

*С отрадой тайною и... с тайным содроганьем
Прекрасное дитя, я на тебя смотрю...
О, если б знало ты, как я тебя люблю!
Как милы мне твои улыбки молодые
И быстрые глаза, и кудри золотые
И звонкий голосок...*

«Через genitali’ии золотистого ли Федра, “двенадцатилетней” ли девочки, но пронизать, и непосредственно, в таинственное и, в общем, никогда здесь не видимое “противно-земное лицо”; “стать на хребте неб и выглянуть наружу”, как передал свое чувство Платон; но именно – пока эти genitalia не “отпотели”, не загрязнены “земным хватанием”, прозрачны и чисты – Федра и Нины:

Ходила в фартучке. Сидела прямо.

Припадая к отрочески-чистому стеклу их “гутенберговым” в себе “набором” – “и зрелости, и осязания, и общения – всех чувств”, мы получаем веление Федона, Тимея, – “Сна смешного человека” – “потустороннее”, но касаясь их же ноуменально, мы получаем не “идею” души бессмертной, но самую душу бессмертную, “предсуществующую”, “ниспавшую” и, словом, ту, лучше всякой Федоновской, которую мать, вынимая грудь, кормит молоком. Мы – “рождаем”» (с. 603). В поздних статьях Розанова как раз преобладает рождающее начало у Лермонтова.